

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМАХ ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

А. Оразов, Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX — начале XX в. (историко-этнографический очерк), Ашхабад, 1972, 131 стр.; А. А. Канода, Переселенческие поселки в Закаспийской области (конец XIX — начало XX в.), Ашхабад, 1973, 90 стр., карты; сб. «Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен», Ашхабад, 1973, 165 стр.; А. Н. Пиркулиева, Домашние промыслы и ремесла туркмен долины Средней Амударьи во второй половине XIX — начале XX в., Ашхабад, 1973, 84 стр.

В течение ряда лет этнографы и историки республик Средней Азии и Казахстана совместно с учеными Москвы и Ленинграда работают над созданием историко-этнографического атласа указанного региона. Один из основных разделов работы — «Хозяйство» — требует для своего решения усилий большого авторского коллектива ученых, собирающих полевые материалы, обобщающих литературные и архивные данные. Результаты полевых исследований с привлечением материалов архивов и литературы публикуются в сборниках, монографиях и т. д., что позволяет использовать их затем при составлении карт и объяснительных записок в атласе. К такого рода работам принадлежат рецензируемые книги. Все они в той или иной степени освещают отдельные виды хозяйственной деятельности различных групп населения Туркменистана, дают богатый материал для истории культуры и этногенеза туркменского народа.

Книга А. Оразова «Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX — начале XX в.» состоит из трех глав, введения и заключения. В ней характеризуются некоторые стороны хозяйства и быта одной из групп туркмен-иомутов, территориально обособившейся в XIX в. от своих соплеменников, живущих на обширных пространствах Западного и Северного Туркменистана. Эту группу, расселившуюся к северу и востоку от Балханских гор, А. Оразов назвал «прибалханскими» туркменами, что в общем смысле правильно и отмечалось также в географической и сельскохозяйственной литературе. Задачей данной работы, как ее формулирует сам автор, «является изучение на основе этнографического и архивного материала с привлечением литературных данных проблем этнической истории, племенного деления и расселения прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в., их хозяйства, а также семейного быта» (стр. 6). Соответственно этой задаче в первой главе рассматриваются история формирования, этнический состав, племенное деление и расселение прибалханских туркмен. Следует отметить, что они совершенно однородны по родо-племенному составу, материальной и духовной культуре с основной массой населения Западной Туркмении и составляют лишь часть населения этой обширной территории. Во второй и третьей главах характеризуются скотоводческое хозяйство, ремесла и домашние промыслы этой группы туркмен, а также семья и семейный быт, свадебные обряды и обычаи.

В основу монографии положены богатые полевые этнографические материалы, собиравшиеся в течение многих лет автором сначала в составе Туркменской этнографической экспедиции МГУ, а затем в командировках и экспедициях, организованных сектором этнографии Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР. А. Оразов обстоятельно изучил также материалы Центрального государственного архива МВД Туркменской ССР, дореволюционную и советскую литературу, относящуюся к этому и смежным районам республики.

Всесторонне исследованы в монографии многие вопросы скотоводческого хозяйства — его характер, годовой цикл перекочевок, виды и породы скота, скотоводческие сезонные работы и т. д. В специальных разделах рассматриваются система пользования и владения пастбищными угодьями и водными источниками, скотоводческие объединения и общественная организация скотоводов. Довольно подробно характеризуются семья и свадебные обычаи у иомутов, причем использован большой литературный

материал дореволюционных авторов, писавших о западных иомутах в целом (К. К. Бодэ, М. Н. Галкин, П. И. Огородников и др.).

Как известно, вопросы социально-экономического развития народов Средней Азии и Казахстана и, в частности, роль земледелия в хозяйстве скотоводов (или скотоводства в земледельческом хозяйстве), роль патриархально-родовых пережитков в общественном строе этих народов сохраняют свою актуальность и являются предметом научных дискуссий в советской исторической литературе в течение почти двух десятилетий. Определенным этапом в исследовании социально-экономического развития среднеазиатских народов явилась Ташкентская сессия 1954 г., посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. В результате острой дискуссии, развернувшейся там и выявившей отсутствие единой точки зрения на степень социально-экономического развития народов этого региона, стала очевидной необходимость дальнейшей разработки этой проблемы, ее конкретизации для отдельных среднеазиатских народов.

Эти вопросы освещены в ряде статей и монографий советских исследователей¹, не обойдены они и в рецензируемой книге. В специальных разделах работы рассматриваются система пользования и владения пастбищными угодьями и водными источниками, скотоводческие объединения и общественная организация скотоводов.

Подавляющее большинство исследователей, изучавших проблемы социальных отношений в дореволюционном туркменском ауле, приходит к мысли о том, что в туркменском обществе классовое расслоение было довольно значительным, что существовала частная собственность не только на пахотные поливные земли в оазисах, но и на колодцы в пустыне. Владельцы колодцев — баи и зажиточные скотоводы — имели возможность держать в повиновении основную массу рядовых скотоводов, не владевших колодцами и нуждавшихся в воде для скота. Известно, что пастбище, расположенное на расстоянии одно-двухдневного перегона от водопоя, представляет ценность только в течение короткого в Туркмении зимнего периода, когда скот подолгу может обходиться без воды.

Меньшее число исследователей считают, что туркмены до присоединения к России были очень слабо классово дифференцированы, а скотоводы вообще отставали в своем социальном развитии от жителей земледельческих оазисов, поэтому все источники воды в пустыне, так же как и пастбища, были общинной собственностью. Дискуссионность проблемы требует тщательного анализа вопросов, связанных с социальными отношениями. Между тем автор рецензируемой книги, касаясь этой проблемы, выражает свои взгляды весьма нечетко и подчас противоречиво. На основании большого полевого материала (к сожалению, в этих разделах не использован совершенно литературный материал) он приходит к заключению, что у скотоводов Прибалхана в конце XIX в. существовала частная собственность на водные источники, но уже следующая фраза в значительной степени противоречит этому выводу: «Как видно из вышесказанного, в Прибалхании в конце XIX в. водные источники (колодцы и хаузы) были частной собственностью. Однако в большинстве своем (здесь и далее выделено мною, — Г. В.) они находились в общинном пользовании кочевых групп — оба, родственных семей и др.» (стр. 56). Несколько ранее он пишет: «Колодцы в большинстве своем находились во владении частных лиц из числа богатых и зажиточных скотоводов. Колодцы считались „мюльком“, т. е. собственностью тех, кто ими владел... Хозяева колодцев могли их продать, подарить кому-либо и т. д.» (стр. 53, 54), «Плату за пользование водой из чужих колодцев не брали, но люди, пользовавшиеся чужим колодцем, в отдельных случаях обязаны были помогать его владельцу» (стр. 54). Мы не найдем ясной характеристики социальных отношений и там, где автор говорит о составе стада и о социальных категориях скотоводов: «Естественно, что бедные скотоводы оказывались в некоторой экономической зависимости от богатых хозяев, которые при перекочевках давали им верблюдов и позволяли пользоваться колодцами. За это бедные скотоводы работали в хозяйстве своих богатых родственников» (стр. 75). Очевидно, что эта зависимость была в достаточной степени велика. Приходится сожалеть, что А. Оразов дает в книге характеристику только скотоводческого хозяйства туркмен Прибалхана (небольшой раздел о ремеслах помещен в конце главы) и лишь одной фразой в начале главы (стр. 42) упоминает о существовании в этих районах земледелия. Обходя молчанием характер земледельческого хозяйства, автор не делает ссылки на свою статью, посвященную характеристике земледелия прибалханских туркмен². То обстоятельство, что земледелие в этих районах было весьма незначительным и носило вследствие неблагоприятных условий подсобный характер, не может служить оправданием этого упущения автора. Следует отметить, что прибалханские туркмены, обособившиеся в начале XIX в. от своих сородичей, продолжавших вести кочевое скотоводческое хозяйство к югу от железной дороги, совершая перекочевки на значительной территории, представляли, пожалуй, наиболее отсталую в экономическом отноше-

¹ Об этом подробнее см.: М. Аннанепесов, О двух концепциях, в изучении хозяйства туркмен в XVIII — первой половине XIX в., «Известия АН ТуркмССР», серия обществ. наук, 1968, № 1, стр. 80—90.

² А. Оразов, К вопросу о земледелии прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в., «Известия АН Туркменской ССР», серия обществ. наук, Ашхабад, 1960, № 1, стр. 53—61.

нии группу иомутов, перешедших к кочеванию лишь в небольшом радиусе из-за отсутствия у них верблюдов и малого количества мелкого рогатого скота. Прибалханские иомуты являли собой пример типичных полукочевников, сочетавших скотоводство с земледелием на богарных и плохо обеспеченных водой поливных землях и ремеслами.

Нечеткая характеристика социального строя и некоторые другие менее значительные недостатки в целом интересной книги отчасти объясняются, как нам кажется, необоснованным обособлением этой локальной группы туркмен-иомутов от соплеменников, живущих южнее, желанием доказать их этнографическое своеобразие. Это приводит к тому, что хозяйство и социальные отношения туркмен Прибалханья рассматриваются в отрыве от социально-экономических отношений их южных сородичей, с которыми они были тесно связаны. А. Оразов делает вывод о том, что среди прибалханских туркмен не было очень богатых скотоводов (стр. 74), не объясняя, что богатые скотоводы обычно не все время кочевали в пределах исследуемого района, а уходили на зиму на Атрек и Гюрген; постоянными же обитателями Прибалханья были средние и бедные скотоводы, не имевшие достаточного количества верблюдов и мелкого рогатого скота, чтобы совершать большие перекочевки.

Глава III — «Семья и семейные отношения...» содержит интересный, во многих случаях оригинальный материал, характеризующий отношения в семье, свадебные обычаи данной группы иомутов, обычай выделения женатого сына, право наследования и т. д. Однако и в этой главе автор не избежал тенденции к обособлению и выделению прибалханских туркмен, хотя большой литературный материал дореволюционных авторов, привлекаемый в работе, касается всех западных иомутов. В частности, на стр. 98 он пишет «Свадебный обряд иомутов — ак-атабайцев и джафарбаевцев, населявших прибалханские районы, отличался некоторыми чертами не только от обрядов, бытовавших среди туркменских племен (как будто иомуты не были туркменским племенем! — Г. В.), но и у их сородичей, — оседлых джафарбаевцев прибрежных рыболовецких селений Челекена, Чикишляра, Гасан-кули и т. п.». Но, отсылая читателей к работам М. Муратова и А. Джикиева, А. Оразов не указывает, что эти особенности характерны не для иомутов-джафарбаевцев, а для туркмен-огурджали, у которых живущие рядом с ними на побережье оседлые иомуты-джафарбаевцы восприняли эти обычаи, и что обычаи их родственников-скотоводов ничем не отличаются от приводимых А. Оразовым в книге. Обидно, что, использовав такую большую литературу, автор рецензируемой книги не привлек интересную статью С. Н. Иомудского «О пережитках родового быта у скотоводов Западной Туркмении в XIX в.»³, в которой на материалах тех же районов, но для более раннего периода, рассматривается характер семьи у иомутов-скотоводов и обычай выделения женатого сына из отцовской семьи.

Несмотря на указанные недостатки, книга А. Оразова интересна и очень важна, так как является еще одной ступенью в исследовании хозяйства и быта туркменского народа.

Вторая рецензируемая работа — небольшая книга Н. Н. Каноды «Переселенческие поселки в Закаспийской области» — посвящена интересной и еще никем не затронутой теме — переселенческой политике царизма во вновь присоединенных к России районах Средней Азии, истории возникновения поселков в Закаспии, характеру хозяйства и его формам у переселенцев, показу исторических последствий переселенчества.

Для того чтобы написать эту работу, автору пришлось основательно изучить документы архивов и использовать большой литературный материал, главным образом «Обзоры Закаспийской области». Н. Н. Канода, проявляя глубокое знание работ В. И. Ленина и широко используя его «Развитие капитализма в России» и другие работы, с марксистских позиций раскрывает социально-экономические корни переселенческой политики.

Работа состоит из трех глав, введения и заключения. В приложении к книге даны три карты-схемы расположения поселков: земледельческих и рыболовецких. Н. Н. Канода прослеживает историю поселков с основания до Великой Октябрьской социалистической революции. Первые два рыболовецких поселка в Закаспии возникли в середине XIX в. задолго до присоединения Туркмении к России. Они были основаны казаками на Мангышлаке. Земледельческие поселки появились уже после присоединения Туркмении к России. В работе подробно характеризуется национальный, религиозный, сословный состав населения переселенческих поселков, прослеживаются основные этапы переселенчества, возникновение вторичных поселков и хуторов. Чрезвычайно обстоятельно рассматриваются административное устройство и управление поселками, права и обязанности переселенцев, их хозяйство, социальное расслоение, налоги и повинности, наконец, участие в революционной борьбе начала века и революции.

Наибольший интерес представляют разделы, в которых рассматривается хозяйство переселенцев, — земледелие (полеводство, садоводство, огородничество) и животноводство в новых для них природных условиях, формы землевладения, сельскохозяйственные орудия, рабочий скот. Отдельная глава посвящена историческим последствиям переселенчества и хозяйственному взаимодействию переселенцев с коренным населением области.

³ С. Н. Иомудский, О пережитках родового быта у скотоводов западной Туркмении в XIX веке, «Сов. этнография», 1962, № 4.

Подробно пишет автор о трудностях, с которыми столкнулись переселенцы в новых для подавляющего большинства их природных условиях, с необходимостью освоения новых форм хозяйства. Н. Н. Канода отмечает, что переселенцы не умели обрабатывать поливные земли и лишь через несколько лет поняли, что в этих условиях необходимо сочетать способы земледелия, применяемые в России, с местными (стр. 43).

На богарных землях вести хозяйство было легче, так как способы обработки земли были «ближе к привычному труду на родине» и, хотя урожаи здесь были ниже, чем на поливных землях, но и труда приходилось затрачивать значительно меньше.

В конце 90-х годов у переселенцев главным образом в Ашхабадском и Каракалинском приставствах на орошаемых землях стало развиваться хлопководство, а к началу первой мировой войны за счет развития хлопководства и бахчеводства орошаемое земледелие у переселенцев стало уже преобладающим (стр. 52).

Животноводство, отмечает автор, развивалось в этих местах гораздо успешнее, чем земледелие, так как спрос на его продукты был значительным, а горные покосы обеспечивали кормовую базу. В стаде преобладали крупный рогатый скот, но в некоторых поселках имелись в большом количестве и овцы, разводимые переселенцами на откорм (стр. 56).

В целом хозяйство переселенцев было комплексным: в одних поселках преобладало земледелие, но было достаточно сильно развито и животноводство, в других — наоборот.

В работе показана социальная дифференциация переселенцев — появление кулацкой прослойки (особенно после революции 1905 г., когда число переселенцев пополнилось зажиточным крестьянством из России), с одной стороны, и обеднение и уход на заработки в город — «обратничество» (возвращение на родину) и даже эмиграция в Америку части переселенцев, с другой стороны.

Чрезвычайно интересен раздел о хозяйственном взаимодействии переселенцев с коренным населением. Н. Н. Канода показывает, что переселенцы и местное коренное население постоянно вступали в деловые, нередко и дружеские контакты, что, как правило, отношения с туркменским населением были мирными, а хозяйственные контакты постоянными. Переселенцы, обосновываясь на новом месте, покупали у туркмен пшеницу, скот, арендовали верблюдов, арбы и т. д., договаривались с ними об обработке на пашевых землях части арендуемых земель (стр. 70). Наконец, для орошения земель переселенцев администрация нанимала мирабов из туркмен. Интересно приводимое автором, почерпнутое им из архивных документов свидетельство начальника Мервского уезда, отмечавшего ценные навыки туркмен как природных ирригаторов. В свою очередь, туркмены перенимали у переселенцев новые сельскохозяйственные культуры — капусту, помидоры, подсолнечник и т. д., стали пользоваться при обработке своих полей привозными сельскохозяйственными орудиями. Отмечены и случаи межнациональных браков, правда, довольно редкие в те времена из-за религиозных различий. Автор работы на основании изучения архивных материалов делает вывод о том, что «многие потомки переселенцев немцев Поволжья в районе Серахса и Мерва совершенно вжились в местный быт, восприняли и туркменский язык и национальную одежду» (стр. 79).

Работа Н. Н. Каноды в значительной степени восполняет пробел в наших знаниях о русском и другом, неместном населении Туркмении и является важным источником для работы над Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана. Книга написана хорошим языком, читается легко, но сжатость изложения, иногда носящего почти конспективный характер, оставляет чувство неудовлетворения, некоторой недосказанности. Автор, по-видимому, располагает большим материалом о быте и культуре переселенцев. Остается пожелать, чтобы работа по изучению и публикации этих материалов была продолжена.

Несомненный интерес представляет и третья из рецензируемых работ — сборник «Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен», вышедший под редакцией Г. Е. Маркова и А. Оразова. Сборник подготовлен по решению Первого Среднеазиатского регионального совещания по Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана (Ашхабад, 1967 г.) и состоит из 8 статей; 6 из них характеризуют хозяйство разных районов Туркмении конца XIX — начала XX в. Большинство статей написано туркменскими этнографами (среди авторов также этнографы Москвы и Ленинграда). Статьи сборника написаны на основании полевых материалов и данных архивов. К сборнику прилагается указатель туркменских терминов, составленный научным сотрудником Института истории АН ТуркмССР А. Теджовым.

Четыре первых статьи посвящены различным вопросам земледелия южных туркмен. Открывает сборник статья А. Оразова «О сельскохозяйственных традициях в долинах Сумбара и Чендыра в конце XIX — начале XX в.». В ней характеризуются традиционные формы земледелия у туркменских племен — гокленов и нохурли, издавна населявших этот район. В статье описывается орошаемое и богарное земледелие, имевшее в этих районах примерно одинаковое процентное соотношение, перечисляются сельскохозяйственные культуры, выращиваемые на орошаемых и неполивных землях, формы севооборота, способы и сроки сева разных культур, виды сельскохозяйственных орудий и цикл сельскохозяйственных работ, начиная от подготовки пашни к севу и кончая закладкой урожая на хранение. Останавливается автор и на некоторых традиционных обычаях, связанных со сбором урожая. Чрезвычайно важно, что в статье приводятся

данные по садоводству, главным образом виноградарству в долине Сумбара: перечисляются виды и сорта фруктов и винограда, характеризуется своеобразная форма горного виноградарства (*дийме узум*), нигде больше в Туркмении не встречающаяся.

К сожалению, автор, характеризуя достаточно полно земледелие гокленов и нохурцев, ни слова не говорит о хозяйстве третьей этнической группы — иомутов, поселившихся по нижнему течению рек Сумбара и Чендыра задолго до характеризуемого периода и имевших здесь известные и довольно устойчивые навыки поливного и особенно богарного земледелия.

В статьях А. Н. Пиркулиевой «О формах землепользования в Ахале в конце XIX — начале XX в.» и Р. Бабаджанова «Система землепользования у туркмен Тедженского оазиса в конце XIX — начале XX в.» содержится материал о принципах распределения воды и видах аренды земли в Ахальском и Тедженском оазисах.

Интересна статья К. Атаева «О приемах земледелия туркмен Атека в конце XIX — начале XX в.», которая посвящена характеристике хозяйства одного из самых густонаселенных районов Туркмении, отличавшегося к тому же своей многонациональностью.

Наряду с текинцами и другими туркменскими племенными группами здесь жили русские и курды. Земледелие в Атеке было развито задолго до появления текинцев. Такие туркменские племена, как али-эли, карадашлы, хасарлы, анаулы и др. владели традиционными приемами земледелия и орошения и некоторыми отличными от текинских земледельческими орудиями. В статье К. Атаева характеризуются не только приемы земледелия, но и подробно освещаются способы и порядок орошения (земледелие в Атекском оазисе, как и везде в Туркмении, в основном базировалось на искусственном орошении), виды сельскохозяйственных культур.

Г. Е. Марков в статье «Некоторые проблемы этнографии иолотанских туркмен» характеризует главным образом общественную организацию в земледельческом и скотоводческом хозяйстве у туркмен-сарыков Иолотанского оазиса. Характеристика же сельскохозяйственных культур и приемов земледелия у него настолько схематична, что не дает никакого представления об особенностях земледелия иолотанских туркмен. Так, например, автор статьи указывает, что озимые культуры «поливали 3—4 раза в конце апреля» (стр. 80), хотя известно, что в Средней Азии при дефиците воды и строжайшей очередности на нее даже в тех районах, где воды было много, за весь период вегетации культуры обычно поливали всего 3—4 раза. На этой же странице Г. Е. Марков пишет: «Весной сажали яровые и прочие культуры» — чрезмерно лаконичная и вряд ли дающая что-нибудь характеристика.

В статье К. Ниязклычева «Земледельческий календарь и скотоводство у туркмен-човдуров в конце XIX — начале XX в.» приводятся интересные материалы о способах исчисления времени при земледельческих работах и организации скотоводческого хозяйства у северных туркмен. Подробно и обстоятельно рассматривает автор породы скота, районы кочевий и порядок сезонных перекочевок, цикл работ, связанных со скотоводством, и т. д.

Статья А. Джикиева «Материалы по рыболовству прикаспийских туркмен в конце XIX — начале XX в.» несколько иного плана, чем предыдущие. Она содержит сведения об основном занятии жителей восточного побережья Каспийского моря туркмен-огурджалинцев, шихов, игдыров и др. В статье приводятся интересные данные о рыболовстве в XIX в., достигшем довольно высокого уровня, часть продукции его сбывалась в отдаленные от побережья районы Средней Азии — Хиву и Бухару.

Последние статьи сборника — «Некоторые вопросы орнамента туркменской вышивки конца XIX — начала XX в.» В. М. Солтановой и «Туркмения в фотоколлекциях С. М. Дудина» А. С. Морозовой — тематически не связаны с предыдущими. Однако они содержат интересный и нужный для других разделов Атласа материал.

Особый интерес представляет статья А. С. Морозовой, содержащая обстоятельную характеристику богатых фотоматериалов художника С. М. Дудина по хозяйству, материальной и духовной культуре туркмен-текинцев Ахальского, Тедженского и Мервского оазисов и туркмен-сарыков Тахтабазара. Прекрасные снимки, сделанные в 1901 г., являются важным документально-иллюстративным материалом, с помощью которого можно датировать данные, которые исследователь получает у информаторов и находит в литературе.

Как видно из краткого обзора, сборник содержит богатый и ценный материал, являющийся итогом многолетних полевых исследований, в том числе и по сбору сведений для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана.

Однако, к сожалению, следует отметить, что работа плохо отредактирована. В ней множество опечаток, стилистических погрешностей и просто неудачных, неясных по содержанию фраз. Так на стр. 30 читаем: «...не было принято обмолачивать... чач — очищенное от соломы зерно, так как у него в результате двукратной молотбы снопы соломы превращались в труху» или на стр. 115: «техника рыбной ловли оставалась очень низкой, чему причиной были частые несчастные случаи» и т. д.

Подобные фразы не единичны, они встречаются на стр. 29, 39, 61, 136 и т. д. Вряд ли можно поверить, что у рыбаков-туркмен в конце XIX в. были сети из капроновых нитей, о чем пишет А. Джикиев (стр. 103, 104). Встречаются такие выражения, как «земледельческие туркмены» (стр. 61), «ложили» (стр. 12), множество разночтений в терминах (стр. 19, 80 и др.). Плохие рисунки к статье А. Оразова портят впечатление от богатой материалом статьи.

Работа А. Н. Пиркулиевой «Домашние промыслы и ремесла туркмен долины Средней Амударьи во второй половине XIX — начале XX в.» написана на большом полевом материале, собиравшемся автором в течение 6 лет у туркмен Средней Амударьи. Исследование народных ремесел и промыслов у туркменского населения этого региона, одного из самых густонаселенных районов Туркменистана, в течение многих веков входившего в состав Бухарского ханства и поэтому несколько обособленного от других групп туркмен, явилось важным этапом в этнографическом изучении туркменского народа. Несмотря на центральное положение в Средней Азии туркмен Средней Амударьи, в дореволюционной литературе о них имелось гораздо меньше сведений, чем о туркменах Закаспийской области.

В рецензируемой работе последовательно рассматриваются прядение, ткачество и вышивка, обработка металла и литье чугуна, гончарное производство, обработка кож и изготовление кожаных изделий. Особое внимание А. Н. Пиркулиева уделяет обработке металла. Она отмечает, что в начале XX в. кузнечное ремесло на Средней Амударье достигло довольно высокого развития, и мастера стали специализироваться на изготовлении определенных изделий. Подробно характеризуется ювелирное производство. В работе не только описывается ремесленное производство, но и рассматриваются технические особенности изготовления украшений туркмен Средней Амударьи и виды ювелирных изделий.

Автор отмечает важную роль гончарного ремесла в жизни определенной части населения исследуемого региона, здесь этот вид ремесла достиг значительного развития во второй половине XIX в.; гончарством занимались почти во всех районах долины Средней Амударьи, сбывая продукцию своего производства далеко за пределами селений.

* * *

Выход в свет рецензируемых работ, выпущенных издательством «Ылым» в 1972—1973 гг., является, несомненно, большим достижением ученых Туркменистана.

Несмотря на некоторые неясные или спорные вопросы, технические недоработки и т. д., каждая из вышеупомянутых книг имеет свои неоспоримые достоинства. Все они вводят в научный оборот новые ценные полевые и архивные материалы не только в области хозяйства туркмен и других народов, населяющих Туркмению, но и данные по некоторым вопросам материальной культуры. Публикация этих работ — большой вклад в литературу по этнографии и истории культуры туркменского народа, важный этап в разработке тематики Историко-этнографического атласа. Насколько нам известно, туркменские ученые, как авторы рецензируемых работ, так и другие, накопили большой материал по различным разделам истории культуры и этнографии туркменского народа. Хотелось бы пожелать, чтобы публикация подобного рода работ была продолжена.

Г. П. Васильева

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

И. Л. Андреев. Общинные структуры и некапиталистический путь развития. Владимир, 1973, 336 стр.

Современная эпоха выдвинула судьбу бывших колоний и зависимых стран в число узловых социальных проблем. От того, по какому пути пойдут народы «третьего мира» — станут резервом капитализма или вступят на путь социалистической ориентации, — во многом зависит ход мирового революционного процесса.

Проблематика некапиталистического развития привлекает все большее внимание советских ученых. Ее активно исследуют экономисты и юристы, историки и этнографы. Что же касается философов, разрабатывающих теорию некапиталистического развития, то между ними наметилось своеобразное разделение труда: одни акцентируют внимание на вопросах идеологии и политики в освободившихся государствах, а также на критике немарксистских концепций развития стран «третьего мира», тогда как другие занимаются в основном теоретическим анализом исторического опыта народов Советского Востока.

Монография И. Л. Андреева отличается от других работ по этой проблематике двумя основными особенностями. Во-первых, некапиталистический путь развития рассматривается в ней как бы изнутри — сквозь призму общинного компонента социальной структуры освободившихся народов и стран, в большинстве своем не успевших завершить процесс классообразования. Во-вторых, автор анализирует социально-экономические процессы в африканских странах социалистической ориентации в тесной связи со сходными процессами, происходившими у малых народов Сибири и Дальнего Востока, в республиках Средней Азии и Казахстана в период их движения к социализму.